

K/X

ISSN 0767-7294

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

166

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 166

III - 1992

Митрополит Крутицкий Петр (Полянский)

Иеромонах ДАМАСКИН (Орловский)

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПАТРИАРШЕГО
МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА ПЕТРА
КРУТИЦКОГО (ПОЛЯНСКОГО)
(1862–1937)**

Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Крутицкий Петр (в миру Петр Федорович Полянский) родился в 1862 году в селе Сторожевое Воронежской губернии в семье священника. У отца Федора было три сына: Александр, Василий и Петр. По сведениям близких, мать Петра Галина приходилась родственницей митрополиту Киевскому, и, когда дети осиротели, он взял младших, Василия и Петра, к себе в дом на воспитание. В это время в село Сторожевое поступил служить другой священник, с которым семья Полянских была дружна. Семья священника была большая, старшую дочь звали Евгения. Когда умер ее отец, родственники предложили Василию жениться на Евгении и принять отцовский приход. Александр уехал в Петербург и служил государственным чиновником. Василий готовился к принятию сана священника. Младший, Петр, учился в Духовной Академии и по-видимому не решил для себя вопроса о принятии сана священника. Ради сирот и восприятия еще родительского прихода, все родственники почли за благо, чтобы Василий женился на Евгении. Василий умер в глубокой старости в 1943 году. Петр Федорович, который на многих фотографиях имеет вид неприступный и даже суровый, внутренне совершенно не соответствовал этому. Это был очень живой и жизнерадостный человек. Везде, где бы он ни появлялся в обществе, он становился душой его. Все окружающие удивлялись его неистощимой способности к шуткам и веселью, к разным придумкам. Всех поражала его природная безунывность. Не было, казалось, таких обстоятельств, попав в которые он стал бы безутешно скорбеть и унывать. Казалось, что Господь до чрезмерности изобильно одарил его нравственным и физическим здоровьем, а при том огромным душевным

тактом, так что, узнав его раз, невозможно было не полюбить его. В 1892 году Петр закончил Московскую Духовную академию и был оставлен при ней помощником инспектора. За диссертацию «О пастырских посланиях» ему присуждена степень магистра богословия. В 1914 году Петра Федоровича пригласили в Учебный комитет при Святейшем Синоде на должность ревизора духовных учебных заведений.

Переехав в Петербург, Петр Федорович близко познакомился со многими выдающимися церковными деятелями, которые часто бывали у него на квартире. Среди других — и с архиепископом Литовским Тихоном (Беллавиным). Приходили к нему на квартиру и для дружеской беседы, и для обсуждения церковных вопросов. За это время архиепископ хорошо узнал Петра Федоровича и близко сдружился с ним, и потому впоследствии, когда был избран на пост Патриарха, с настойчивостью предлагал стать его помощником по управлению российской православной церковью.

Весной 1918 года большевики стали закрывать духовные учебные заведения, был упразднен Учебный комитет и Петр Федорович переехал в Москву. Здесь он участвовал в Поместном соборе 1917–1918 годов.

В 1920 году Патриарх Тихон предложил Петру Федоровичу принять монашество, священство, епископство и стать его помощником по управлению православной церковью. Предложение Патриарха было сделано тогда, когда уже широко разлилось гонение на православную церковь. Некоторые епископы были убиты — имена мучеников входили в самое летопись Поместного собора. Убивали и тех, кто посылался собором для выяснения обстоятельств кончины убитых архиереев. Были зверски убиты митрополит Владимир Киевский, архиепископ Андроник Пермский, епископ Гермоген Тобольский, архиепископ Василий Черниговский и с ними многие священнослужители и миряне. Не почет и комфорт сулило в то время архиерейство, а многие страдания. Петр Федорович принял предложение Патриарха как волю Божию, как прозвучавший через Патриарха Божий призыв — послушать Богу и Церкви.

Ему было тогда пятьдесят восемь лет. Оставаясь человеком светским, не связанный ни монашескими обетами, ни священным саном, он имел еще возможность умереть своей смертью, принимая предложение Патриарха — никакой.

Петр Федорович жил тогда в Армянском переулке в Москве, в доме своего брата о. Василия, служившего в храме Николы-на-Столпах. Придя домой, Петр Федорович рассказал о предложении Патриарха, прибавив:

— Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем церкви, но когда соглашусь — я знаю, я подпишу тем себе смертный приговор.

Слова эти сбылись почти в точности. После рукоположения во епископа Подольского, викария Московской епархии, он был арестован и сослан. Ссылку он отбывал в Великом Устюге, сначала жил у знакомого священника, а потом в сторожке при соборе. Ссылка была вольная и власти не стесняли его, он часто служил вместе с великоустюжским священством. Вернувшись из ссылки в 1923 году, он был возведен Патриархом Тихоном в сан архиепископа, а в 1924 году — митрополита, и назначен митрополитом Крутицким.

На Благовещенье 1925 года скончался Патриарх Тихон. Российская православная церковь лишилась первоиерарха мудрого и обладавшего в глазах большинства церковных людей бесспорнейшим авторитетом. Незадолго до своей кончины, 7 января 1925 года, Патриарх составил завещание: «В случае нашей кончины наши Патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового Патриарха, представляем временно высокопреосвященнейшему Митрополиту Кириллу.* В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Агафангелу.** Если же и сему Митрополиту не представится возможности осуществить это, то наши Патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященнейшему Петру, Митрополиту Крутицкому». В день похорон Патри-

* Смирнову.

** Преображенскому.

арха Тихона, 12 апреля 1925 года, собрался архиерейский собор из сорока пяти архиереев российской православной церкви, которые, ознакомившись с завещанием почившего Патриарха, сделали следующее донесение, которое закрепили собственноручной подписью: «Убедившись в подлинности документа и учитывая 1) — то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской церкви преемства власти, и 2) — что ни Митрополит Кирилл, ни Митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве,* не могут принять на себя возлагаемых на них... обязанностей, мы, Архипастыри, признаем, что Высокопреосвященнейший Митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя».

Восприняв пост Местоблюстителя, Митрополит Петр принял на себя и все проблемы, стоявшие тогда перед местной церковью. Обновленцы в это время готовились к своему второму собору, усиленно предлагая православным помириться и принять в нем участие. Некоторым предложению показалось приемлемым, и они начали с обновленцами переговоры о примирении. 28 июля 1925 года Местоблюститель Патриаршего Престола обратился с посланием к архипастырям, пастырям и всем чадам православной российской церкви. Выступая с посланием, Местоблюститель укреплял всех колеблющихся и малодушных, нанося сокрушительный удар разорителям церкви.

Обновленцы писали: «...Воззвание митрополита Петра определило всю линию поведения староцерковников... Тон, данный «Крутицами», уже заранее определил позицию староцерковников по всему фронту, и в дальнейшем возможны были только варианты одной и той же политики. При этом по местам легко было уже просто ссылаться на центр, что мы и видим на самом деле...» Так, например, в Ленинградской епархии «среди духовенства появилась «левая группа» тихоновцев, которая склонна была идти

* В апреле 1925 г. митрополиты Кирилл Казанский и Агафангел Ярославский были в ссылке.

навстречу примирительной политике Св. Синода (обновленческого — и.Д.).

До появления воззвания Петра Крутицкого эта группа подавала надежды, что она окажет свое давление на епископов и постарается сдвинуть их с непримиримой позиции. Но как только появилось воззвание Петра... они заговорили другим языком и опустили свой флаг... то же самое произошло и с тихоновскими мирянами».

«...До распространения воззвания Петра Крутицкого большинство духовенства и церковно-приходских советов Тамбовской епархии готовы были принять участие в благочиннических собраниях и епархиальном съезде... на миролюбивое настроение «низов» сильно повлияло воззвание Петра Крутицкого. На благочиннические съезды, собранные после появления этого воззвания, тихоновцы уже почти не явились...»

Обновленцы сетовали, что в «целом ряде епархий, как иллюстрируют приведенные данные, идущая из Крутиц непримиримая линия тихоновцев выразилась в полном отказе даже от разговоров о церковном примирении. Тихоновские архиереи этого типа или отмалчивались, или сразу резко выражали свое отрицательное и враждебное отношение и вообще боялись даже вступать в какие-либо сношения с синодальными представителями: очевидно, они буквально исполняли директивы своего начальства, но были и такие епархии, где, что называется, удавалось «завязать разговор» с тихоновскими главарями, однако кончались эти разговоры обычно той же непримиримостью».

После послания Местоблюстителя советские газеты начали печатать статьи, обвиняющие его в контрреволюционной деятельности. На обновленческом соборе свящ. Александр Введенский прочел фальшивый документ, в котором Местоблюститель обвинялся в связях с заграницей. По тем временам, обвинение, достаточное для ареста.*

* Печатание газетами обвинений против митрополита Петра не было, конечно, действием случайным. Советские власти и ГПУ приняли решение об уничтожении митрополита. 11 ноября 1925 года Комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК →→→

Одновременно ГПУ продолжало переговоры с Патриаршим Местоблюстителем о легализации церковного управления, начатые еще при Патриархе Тихоне. Условиями легализации были: 1) издание декларации, партии большевиков постановила: «Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев». Практически это означало обольстить, обмануть архиепископа Григория (Яцковского) и ради церковного раскола выдвинуть в руководители церкви. В монолите православной церкви ГПУ, с помощью осведомителей, искало наималейшую трещину, прилагая все усилия, чтобы ее расширить. А расширить можно было, если какой-нибудь камешек оторвется от здания церковного. В течение многих лет ГПУ усиливалось расколоть церковь до малых групп, до полного уничтожения ее. Без учета ежедневного и ежечасного уничтожающего давления безбожного государства на церковь, нам никогда не понять истории российской церкви XX столетия. Историю православной церкви в России при коммунистическом господстве можно рассматривать только как период семидесятилетних гонений. Семьдесят лет гонений — это огромное историческое пространство. За семьдесят лет сменяются культурно-исторические типы и цивилизации. И еще надо учесть, что половина из этих семидесяти лет является годами прямого физического уничтожения церкви. С самого семнадцатого года власти ежедневно, ежемесячно и ежегодно убивают епископов, священников и православных мирян. Кого не убивали сразу, того заключали в концлагерь или тюрьму, или в ссылку, или донимало местное ГПУ-НКВД и представители сельских и городских властей. Краткое по времени (всего несколько месяцев) гонение Нерона в 64 году церковная история помнит как жесточайшее, в котором были убиты тысячи христиан, трехлетнее Диоклетианово и Максимилианово история поминает как гонения ужаснейшие, как по численности жертв, так и по жестокости. Эти гонения дали церкви сонм мучеников. У нас — три десятилетия жесточайших убийств, с применением всех древних языческих пыток, подобно сдиранию кожи, или распятию на железнодорожном полотне. Изучать и исследовать нашу церковную историю следует, одним словом, именно как историю мучеников, как период гонений. После многих расколов и ослабления в христианском мире любви ко Христу обязательно должна была последовать вспышка жестокого новоязыческого насилия. В понимании этого и должно нам открыть святцы мучеников и помолиться им, чтобы они помогли, научили, умолили Бога о милости к нам.

11 ноября Комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства постановила также: «В целях поддержки группы (архиепископа Григория — и. Д.), стоящей в оппозиции к Петру... поместить в «Известиях» ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора. Просмотр статей поручить тт. Стеклову И.И., Красикову П.А. и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой (архиепископа Григория — и. Д.) декларации против Петра». И как всезавершающий этап: «Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие».

зывающей верующих к лояльности относительно советской власти; 2) устранение неудобных власти архиереев; 3) осуждение заграничных епископов, и 4) контакт в деятельности с правительством в лице представителя ГПУ. ГПУ, впрочем, на это особенно не рассчитывало. Через осведомителей-обновленцев оно давно уже собирало сведения о митрополите. И узнавало, что он человек твердый и вряд ли пойдет на губительные для церкви компромиссы. Он и держался с представителями ГПУ свободно и независимо, не оставляя ни малейшей возможности для запутывания и запугивания.

Местоблюститель видел, что неминуем и близок арест. И надо было позаботиться о церковной власти, о судьбе церковного управления. 6 декабря 1925 года Патриарший Местоблюститель написал следующее распоряжение:

«В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию Митрополиту Нижегородскому. Если же сему Митрополиту не представится возможности осуществлять это, то во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвященнейший Михаил, экзарх Украины, или Высокопреосвященный Иосиф, Архиепископ Ростовский, если Митрополит Михаил будет лишен возможности выполнить мое распоряжение.

Возношение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным».

Шаг этот был продиктован благочестивой ревностью о судьбе управления церковью, желанием оградить российскую православную церковь от анархии и расколов, в убеждении того, что два других кандидата в местоблюстители, назначенные Патриархом Тихоном, митрополит Кирилл Казанский и митрополит Агафангел Ярославский, как находящиеся в ссылке, не имеют возможности принять церковное управление. Кроме того, после подтверждения избрания Местоблюстителем митрополита Петра собором архиереев права двух названных кандидатов на местоблюстительство переставали быть безусловными и не могли рассматриваться механически в силу лишь

завещания Патриарха Тихона, но только при востребовании прав самим кандидатом и при одобрении архиерейского собора. Патриарший Местоблюститель знал, что полезной будет только законная передача церковной власти при благословении первоиерарха, что безвластие поведет церковь к анархии и захвату церковного управления группами, имеющими корыстные цели, что поведет в свою очередь к разрыву с канонами и традициями православной церкви.

9 декабря состоялось заседание Комиссии при ЦК. Прослушали информацию ОГПУ о внутрицерковных группах: как расколоть церковь, кому помогать и полагать, а кого и уничтожить. Личность митрополита Петра, его благородство, глубокая образованность, ум, выдержка и неизменная доброжелательность к представителям ОГПУ, но без всякой угодливости перед ними, вызывали у них, и, в частности, у Тучкова,* раздражение и неприязнь. Им думалось, что с Патриархом Тихоном можно будет со временем добиться большого компромисса, надо только неустанно на него нажимать и нажимать. И под этим нажимом, и видя огромные перемены в повседневной действительности, он, верили они, обязательно уступит. От митрополита Петра уступок они не ждали. 9 декабря 1925 года на заседании Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства** представители ОГПУ сообщили, что митрополит, вероятнее всего, откажется от сотрудничества с ОГПУ, направленного в конечном счете на разрушение церкви. А посему постановили: «ввиду проводимой им (Местоблюстителем — и. Д.) явно враждебной Соввласти церковной политики и имеющихся о нем конкретных обвинительных материалов при-

* Евгений Александрович Тучков в течение пятнадцати лет играл довольно значительную роль в церковной истории. Это был человек, разработавший многие планы уничтожения православной церкви, которые проводились в течение 20-х и 30-х годов. Большевиками он был поставлен на ключевую в этом отношении роль. Он одновременно возглавлял в ГПУ секретный отдел по уничтожению церкви и входил в Комиссию по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б).

** Участвовали заместитель председателя Комиссии Попов, Смидович, Красиков, Менжинский, Путинцев, Тучков.

знать намеченную ОГПУ линию по вопросу о внутрицерковных группировках правильной». (То есть митрополита Петра — арестовать, архиепископа Григория — поддерживать). На следующий день Местоблюститель был арестован.

14 декабря 1925 года митрополит Сергей послал на имя епископа, управляющего Московской епархией, уведомление о том, что в соответствии с распоряжением Патриаршего Местоблюстителя он приступает к исполнению обязанностей Местоблюстителя.

22 декабря 1925 года группа из девяти епископов во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием собралась в Москве. Они заявили, что поскольку деятельность Местоблюстителя Петра контрреволюционна и с арестом митрополита церковь лишилась управления, то они организовали Высший Временный Церковный Совет.

7 января 1926 года в газете «Известия» было опубликовано сообщение об организации ВВЦС. 14 января митрополит Сергей послал архиепископу Григорию письмо, потребовав ответа о произведенном самочинии. Ответ архиепископа Григория о канонических основаниях ВВЦС был неудовлетворителен, и митрополит Сергей 29 января 1926 года послал ему уведомление, что он запрещает его и единомышленных с ним архиереев в священнослужении, так что все служебные действия вышеназванных архиереев (рукоположения, назначения, награды и всякие по службе распоряжения), начиная с 22 декабря 1925 г. и далее, считать недействительными.* С заявлением митрополита Сергея, как заместителя Местоблюстителя, действия по организации Высшего Временного

* Это был выдающийся шаг митрополита, исходивший не из диктаторского принципа запрещать негодных спорщиков, но из опасения возникновения церковных расколов в понимании того, кем и как эти расколы создаются и пестуются. Некоторые архиереи тогда представляли, что поместная церковь может управляться независимо от социальной или государственной действительности. Легкие настольно привыкли дышать воздухом дореволюционной почти безграничной свободы, что невозможно было представить и ощутить, чем и как придется дышать в советском подземелье. Давление безбожного государства если и предполагалось, то незначительное, которое можно было вполне игнорировать. Ну, приступит какой-нибудь из подчиненных Тучкова с предложением, ты откажешься, и дело заглохнет, и жизнь

Церковного Совета лишились всякой канонической основы. Но Тучков очень надеялся на свое соглашение с владыкой Григорием, тем более, что на этот раз ему удалось договориться с православным архиереем, имевшим авторитет. Он предложил архиепископу устроить свидание с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром и от него добиться согласия на учреждение ВВЦС. Архиепископ Григорий составил доклад на имя Местоблюстителя Петра, в котором писал, что после ареста последнего в православной церкви начались такие разделения, которые могут вызвать раскол, что митрополит Сергий проживает не в Москве, а в Нижнем Новгороде — церковная потечет своим чередом. Многие не понимали, что разрушительное давление оставалось всегда. Митрополит Сергий был первым, и одним из немногих, кто увидел с ясностью всю уничтожающую силу государственного безбожия, которое не остановится и перед полным физическим уничтожением церкви. Он уже видел, как и кем церковные расколы создаются, а при активности представителей ГПУ эти расколы будут возникать постоянно. И теперь, как позже в споре с митрополитом Агафангелом, митрополит Сергий энергично выступил против замыслов ГПУ расколоть церковь, и когда запрещал архиепископа Григория с единомышленниками, то в надежде не допустить раскола. Звучит странно, но ему одному из первых (раньше него — Патриарху Тихону) пришлось смириться с наличием жестокого, коварного и всеохватного безбожного государства, которое не даст православной церкви и крупицы свободы и которое будет церковь давить, давить и давить. И потому: сначала обновленцы, теперь заявление архиепископа Григория, потом митрополита Агафангела, все они были взлелеяны и поддержаны ГПУ. Забегая вперед, следует сказать, что даже выступление благочестивых архиереев против митрополита Сергия — и то вызывало у чиновников ОГПУ удовлетворение. Не с благочестием и нечестием они воевали, а за церковный раскол. Они каким-то бесовским чутьем ухватывали (и был опыт в Европе: рассыпающиеся на все более мелкие группы отошедшие от католичества лютеране, и в России — рассыпающиеся на толки старообрядчество), что главной цели — уничтожения церкви — они достигнут при создании как можно большего числа необратимых расколов. Не лояльность и не заявление о лояльности нужны были им, а поставить, в частности, во главе церкви незаконного главу (как, например, законно запрещенного в священнослужении архиепископа Григория), внести в церковь канонические нарушения, нарушить благодатное устройство церкви и так сдвинуть с места самый Светильник Церковный. Этого ОГПУ не удалось достичь. Никто из православных архиереев, даже из находившихся в оппозиции к митрополиту Сергию, не пошел на то, чтобы присвоить себе права главенства в поместной церкви, и не старался хиротонисать новых архиереев, создавать параллельную иерархию и тем самым утверждать и укреплять раскол. Никто никогда из всех тех православных архиереев-мучеников и исповедников на это не дерзал.

роде, и выехать для управления церковными делами не может, что митрополит Михаил отклонил от себя поручение по исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, а архиепископ Иосиф не может принять его, так как он совершенно неизвестен. Архиепископ Григорий предложил своих кандидатов на исполнение высшей церковной власти — себя и трех единомышленников с ним архиереев.

Боясь за судьбу церковного управления, опасаясь анархии и раскола, Местоблюститель резолюцией на докладе архиепископа Григория поручил исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя коллегии из трех архипастырей, из которых он исключил кандидатов, предлагавшихся архиепископом Григорием, повелев им отправляться в свои епархии, и включил в коллегию архиепископа Николая Владимирского (Добронравова) и архиепископа Дмитрия Томского (Беликова), известных ему своей твердостью и преданностью церкви.

Участовавшие в переговорах уполномоченные ОГПУ Тучков и Казанский ни слова не сказали о том, что архиепископ Николай сидит в тюрьме. Зато архиепископ Дмитрий, убеждал Казанский, обязательно прибудет из Томска. Тучков даже фальшивую телеграмму показал митрополиту, по которой значилось, что архиепископ Дмитрий дня через три-четыре будет в Москве, между тем как последний даже и не слышал о переговорах. Чувство подсказывало Местоблюстителю, что не так как-то обстоит дело, как следователи рисуют ему при молчаливом согласии владыки Григория, но как узнать, находясь в полной изоляции, каково истинное положение православной церкви. После долгих раздумий митрополит попросил включить для участия в занятиях новосоздаваемой коллегии митрополита Арсения (Стадницкого). Тучков с радостью согласился:

— Пожалуйста, подпишите телеграмму о вызове, а мы подпишем.

Местоблюститель написал текст телеграммы, подписал, подал Тучкову, тот никуда ее не послал.

Находясь в одиночном заключении, митрополит весь ма скорбел — не приведут ли его действия к худшему.

Беспокойство в правильности принятого решения о создании коллегии, общая неопределенность и, главное, отсутствие сведений о подлинном положении церковного управления и невозможность их добыть в условиях одиночного заключения — все это сказалось на его здоровье. После посещения архиепископа Григория и Тучкова он заболел тяжелым нервным расстройством и 4 февраля был помещен в тюремную больницу.

Тем временем митрополиту Агафангелу, кандидату на пост Местоблюстителя, власти разрешили выехать из ссылки и вернуться в Ярославль. Но в пермской тюрьме он был задержан для встречи с уполномоченным ОГПУ Тучковым. Тучков обрисовал тяжелое положение православной церкви, которое все более ухудшается борьбой за власть между архиепископом Григорием, возглавляющим ВВЦС, и митрополитом Сергием Нижегородским, претендующим на главенство. Тучков предложил митрополиту Агафангелу, как бы ради установления церковного мира, ради церковного благополучия, как второму кандидату на пост Патриаршего Местоблюстителя, как заместителю Патриарха, назначенному последним еще в 1922 году, и старейшему и авторитетнейшему архиерею православной церкви, вступить в управление церковью в качестве Патриаршего Местоблюстителя и начать переговоры с правительством о регистрации церковного управления, в чем Тучков обещал оказать митрополиту всяческую поддержку.

Митрополит Агафангел поверил и, не выясняя дальнейшего, не войдя в переговоры по столь важному делу с митрополитом Петром, 18 апреля 1926 года составил в Перми послание о своем вступлении в права Патриаршего Местоблюстителя, которое 26 апреля вместе с сопроводительным письмом послал митрополиту Сергию. И не только митрополиту Сергию, но и многим епархиальным архиереям, как архиерей, уже воспринявший пост Местоблюстителя. Еще владыка митрополит был в Перми, а его воззвание потекло по России, раскалывая церковь. Радости Тучкова не было границ. Обмануть выдающегося церковного деятеля, многоопытного старца-исповедника — это было, конечно, выдающимся достижением Тучкова.

Через шесть дней после подписания митрополитом Агафангелом послания и рассылки его по России состоялось заседание Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства. Участвовали: Ярославский, Путинцев, Дерибас, Тучков. Представитель ОГПУ доложил об успехах на поприще церковных расколов. Постановили: «проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным Местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на Патриаршее Местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию — Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием — как самостоятельную единицу. Выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанностей Местоблюстителя признать своевременным и целесообразным». Дело о митрополите Петре «выделить и продолжать дальнейшее следствие в течение 1–2-х месяцев. Поручить ОГПУ этим временем окончательно выяснить положение о взаимоотношении местоблюстителей Сергия и Агафангела, после чего и решить вопрос о дальнейшем содержании Петра».

22 мая митрополит Сергей испросил у Тучкова разрешения обмениваться письмами с митрополитом Петром и сообщил Местоблюстителю, что митрополит Агафангел получил свободу, претендует на пост Патриаршего Местоблюстителя и предупредил владыку, чтобы тот был осторожен и воздержался от передачи местоблюстительства.

Тучков, хорошо понимая, какую распря можно разжечь из борьбы за местоблюстительство, с удовольствием передал письмо митрополиту Петру, предложив ему отказаться от местоблюстительства, причем обещал, что легализует церковное управление под возглавием митрополита Агафангела и освободит из заключения самого митрополита Петра, после чего тот сможет беспрепятственно проследовать на Кавказ или в Крым для лечения, в соответствии со своим желанием.

Митрополит Петр, несмотря на предостережение митрополита Сергия, в письме от 22 мая приветствовал

решимость митрополита Агафангела принять на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя, предполагая вопрос об окончательной передаче обязанностей выяснить по возвращении из ссылки митрополита Кирилла. Но митрополит Кирилл не возвратился, и тогда в письме от 9 июня на имя митрополита Агафангела владыка Петр подтвердил передачу местоблюстительских прав. Владыка не держался за местоблюстительство, которое по своему положению и смыслу, как патриаршество святейшего Тихона, было ежедневным и ежечасным страданием. Все болезни и муки поместной церкви, все стрелы лукавого, которыми тщились ее уязвить враги, прежде кого бы то ни было достигали Патриарха, а теперь — Местоблюстителя. Не радость и легкость сулил этот крест, а тяготу ежедневной ответственности. Без колебаний написал митрополит Петр документ о передаче местоблюстительства. Однако, по мудрой осторожности и из опасения быть обманутым и на этот раз, он добавил: «В случае отказа Митрополита Агафангела от восприятия власти или невозможности ее осуществления, — права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а Заместительство — Митрополиту Сергию».

Это не понравилось Тучкову, но он промолчал, хотя уже знал, что днем раньше митрополит Агафангел решительно отказался от местоблюстительства.

Через несколько дней, 12 июня, митрополит Агафангел в письме на имя митрополита Петра отказался от поста Патриаршего Местоблюстителя. После этого митрополит Петр был переведен в Суздальский политизолятор, где содержался в одиночке, без известий о происходящем за стенами тюрьмы.

Спустя некоторое время Тучков пришел к митрополиту Петру с новым предложением: учредить православный синод с обязательным включением в него архиепископа Григория. Будет ли участвовать в заседании синода сам митрополит Петр, об этом умалчивалось, но если нужно, насмешливо заметил Тучков, то члены синода могут приехать в Суздальский изолятор и здесь проводить свои заседания. Митрополита Сергия Тучков предложил лишить прав заместителя Местоблюстителя и переместить

в Красноярскую епархию.* Тучков старался восстановить Местоблюстителя против митрополита Сергия, рассказывая о нем все худое, обвиняя последнего в интригах и политиканстве. Митрополит Петр решительно от этого предложения отказался. Впоследствии он писал председателю ОГПУ Менжинскому: «...по отношению к митрополиту Сергию, одному из заслуженных, просвещенных и авторитетнейших архиереев, к которому последние относились с уважением и перед которым выражала свою восторженную симпатию и управляемая им паства, — предлагаемая мера была бы посягательством на его достоинство и неслыханное для него оскорбление... Это перешло бы всякие пределы справедливости. А относительно архиепископа Григория должен сказать, что архиерей, лишенный кафедры и подвергшийся запрещению, не может быть членом синода».**

5 ноября 1926 года Патриарший Местоблюститель митрополит Петр Крутицкий был приговорен к трем годам

* В это время митрополит Сергей начал хлопоты по легализации церковного управления. Власти на местах регистрировали приход, но отказывались регистрировать епархиальные управления, и все управление православной церковью оказывалось как бы нелегальным. Получив разрешение на регистрацию епархиальных управлений, нужно было добиться разрешения от властей на созыв архиерейских собраний, хотя бы из пятнадцати архиереев. Если такие собрания устраивать без разрешения, власти неизменно будут трактовать их как нелегальные и арестовывать участников, такие случаи уже бывали. 10 июля митрополит Сергей подал заявление в НКВД с просьбой о регистрации. Как условие регистрации, власти неизменно требовали декларацию, в которой оговаривались бы отношения с властями. К заявлению митрополит приложил проект декларации.

** Письма, откуда мы берем эту цитату и многие другие в дальнейшем, сохранились при «деле» митрополита Петра. Эти письма обнимают период с лета 1928 года по декабрь 1933 года. Большинство их адресованы Тучкову и возглавителям ОГПУ, некоторые — советским властям. В основном — это просьбы освободить от бессудного наказания, а также изложение своей церковной позиции. Надо сказать, что владыка в течение многих лет был лишен всякой связи с внешним миром, ни он никому не мог написать, ни ему. И это одна из причин, почему владыка в письмах Тучкову и Менжинскому подробно рассказывает всю историю переговоров с ним о местоблюстительстве. — Многие ответы митрополита Петра в протоколах допросов написаны владыкой собственноручно. Для того, чтобы отспорить у следователя право самому записывать ответы на следствии, надо было немалое мужество. Промыслом Божиим через много лет письма эти стали достоянием церкви.

ссылки. В декабре 1926 года был этапом отправлен через пересыльные тюрьмы в Тобольск. Только теперь, выйдя из одиночки, он узнал о положении церковных дел в России и 1 января в пермской тюрьме составил воззвание, в котором окончательно упразднил коллегия, подтвердил запрещение в священнослужении архиепископа Григория и единомышленников с ним архиереев и сообщил о решении митрополита Агафангела отказаться от принятия на себя обязанностей местоблюстителя Патриаршего престола.

21 января 1927 года на свидание к Местоблюстителю в екатеринбургскую тюрьму явился архиепископ Григорий, и митрополит Петр подтвердил, что тот стоит вне молитвенно-канонического общения с ним, и предупредил, что производимая им и его сторонниками смута не может быть терпима в православной церкви. Тогда же владыке удалось передать свое обращение на волю, и оно стало широко известно.

В феврале 1927 года митрополит прибыл в село Абалак. Власти велели ему поселиться на территории упраздненного Абалакского монастыря. Пока ремонтировали отведенную ему комнату в доме рядом с сельсоветом, владыка жил в поселке. Держался он осторожно, хорошо понимая, что ГПУ каждое слово может истолковать против него. Монахиня Ивановского монастыря Евгения Манежных помогла привести в порядок комнату, иногда помогала по хозяйству, но ежедневную работу старец выполнял сам — топил печь, убирал жилье, варил пищу. Прожил он здесь недолго. Пермское Воззвание сильно напугало власти, напугал сам факт обращения Местоблюстителя к православной пастве. В начале апреля 1927 года митрополит Петр был арестован и доставлен в Тобольскую тюрьму. 9 июля 1927 года ВЦИК принял решение о судьбе Патриаршего Местоблюстителя. Местоблюститель был сослан за полярный круг, на берег Обской губы, за двести верст от Обдорска, в поселок Хэ, где определено ему было проживать дальше.

С 1 августа по 23 сентября 1927 года в поселке вместе с митрополитом жил ссыльный епископ Василий (Беляев). Он был приговорен к ссылке, которая оканчивалась

9 января 1929 года, но неожиданно ГПУ отменило ссылку и освободило его. Прощаясь, Патриарший Местоблюститель велел передать своему заместителю митрополиту Сергию следующее: он прочел в газете «декларацию нынешнего православного синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента». Однако, это одобрение не касается некоторых ее абзацев, о которых он не желал бы высказывать своего суждения. Ни одобрительного, ни отрицательного.

В ссылке владыка Петр жил в атмосфере большой неприязни со стороны местных священников, ибо обдорский, абалакский и хэнский священники были обновленцами, причем последний скрывал это от митрополита. Местоблюститель в обновленческие храмы не ходил, а глядя на него, перестали их посещать и верующие, которых и без того было в этих местах немного. Обновленцы терпели убытки и плели против митрополита интриги.

В конце 1928 года кончалась трехлетняя ссылка Местоблюстителя, но Тучков не стал ждать окончания ссылки, и 11 мая 1928 года, постановлением Особого Совещания ОГПУ, срок был продлен еще на два года. Здоровье владыки становилось все хуже, он с трудом переносил климат, особенно в зимние месяцы. 15 июля 1928 года он направил заявление в ОСО ОГПУ и во ВЦИК: «...Оставление меня в селе Хэ Обдорского района, далеко за полярным кругом, среди суровой обстановки, слишком пагубно отражается на моем здоровье, которое после моего годичного проживания здесь пришло в окончательный упадок... Дальнейшее оставление меня в настоящем трудно переносимом климате при моих сильно развивающихся болезнях (эмфизема, миокардит, хронический ларингит и др.) и при отсутствии средств для ослабления их равносильно обречению на смерть». Заявление было оставлено властями без последствий. Через год, 15 марта 1929 года, митрополит снова обратился к властям: «Пробыв около двух лет в селе Хэ, я убедился, что моя болезнь, эмфизема легких, последнее время обострилась, без сомнения, вследствие суровости климата. Но кроме эмфиземы я еще страдаю миокардитом, каковая болезнь

нередко, особенно в сильные морозы, захватывает дыхание и мешает возможности двигаться... Здесь еще я получил ревматические боли в руках и ногах... Уведомление о применении амнистии, на которую я имел одинаковое с другими право, не получил, но получил уведомление о продлении срока ссылки еще на два года. Оставление меня в настоящих суровых климатических условиях без надлежащей медицинской помощи является слишком тяжелым, а посему желательно было бы на новый срок ссылки иметь облегчение своей участи, которое могло бы выразиться в переводе меня куда-либо на юг и в такой пункт, где бы представлялась возможность находиться под наблюдением врачей...» Ответа на письмо Местоблюстителя не последовало. 29 марта 1929 года ГПУ провело у владыки обыск. Искали переписку, но ничего не нашли. Хорошо зная мелочную придирчивость ГПУ, митрополит из переписки ничего не хранил.

А еще были переживания скорбные, грустные. Почти в те же места, в Сургут, был сослан старый знакомый Местоблюстителя, крупнейший знаток жизни и учения святых отцов профессор Иван Васильевич Попов. Они переписывались. Несколько раз Иван Васильевич посылал митрополиту денежные переводы, не сообщая — от кого, но однажды написал, что эти деньги пересылаются через него митрополитом Сергием. Владыку больно задело, что его заместитель боится пересылать ему деньги открыто. Ведь не за политические преступления находится Патриарший Местоблюститель в ссылке, а за верность православной церкви и распоряжению Патриарха Тихона. Благодаря распоряжению митрополита Петра стоит ныне митрополит Сергей во главе церкви. Заместительство митрополита Сергия — явное, их отношения открытые. Неужели же есть причины заместителю скрывать, что он оказывает помощь тому, кого замещает. И в следующий раз он просит Ивана Васильевича отписать митрополиту Сергию, что переводов посылать больше не нужно, так как он ни в чем не нуждается. Все эти неприятные мелочи, однако, не оказывали ни малейшего влияния на решения церковные.

Летом 1929 года епископ Дамаскин (Цедрик) организовал посылку гонца к митрополиту Петру.* Из доставленных документов картина представлялась тревожная. Патриарший Местоблюститель видел, что церковный мир нарушается, что некоторые архиереи уходят из административного подчинения митрополиту Сергию, а это чревато расколом. В декабре 1929 года Местоблюститель отослал митрополиту письмо. Он писал, что ему стало известно, что в церкви происходят раздоры и разделения из-за того, что митрополит Сергей переходит границы доверенной ему церковной власти. Он просил митрополита все это устранить, а также довести до сведения клира и церковных деятелей, каковы должны быть их обязанности по отношению к советской власти. Церковные деятели должны совершенно устраниваться от всякой политической деятельности. В своих выступлениях они не должны ни порицать советскую власть, ни хвалить ее.

Не получив ответа, Местоблюститель в феврале 1930 года послал второе письмо.** Но и на это письмо он

* Уже некоторое время владыка Дамаскин искал человека, который мог поехать к ссылке митрополиту для передачи ему материальной помощи, а также и для ухода за ним, так как митрополит Петр часто болел. Летом 1929 года из Чернигова в Стародуб, где жил в то время вернувшийся из ссылки епископ, приехала монахиня Ирина Бурова. Она сама была родом из Сибири, и ее владыка попросил поехать к митрополиту Петру. Он передал ей письмо к Местоблюстителю, в котором просил ответов на многие вопросы церковной жизни, и в частности — о границах полномочий митрополита Сергия. Вместе со своим письмом епископ передал и копии писем митрополита Кирилла к митрополиту Сергию, а также письма архиереев относительно декларации.

** «...Я постоянно думаю о том, чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно-верующих людей, — писал Местоблюститель. — Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникающих раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. Может быть эти сообщения пристрастны, может быть я достаточно не знаком с характером и стремлениями лиц, пишущих мне. Но известия о духовном смятении идут из разных мест и, главным образом, от клириков и мирян, оказывающих на меня сильное давление. На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни церкви, когда нормальные правила управления подвергаются

ответа не получил, и тогда летом предал декабрьское письмо огласке. Это письмо, как и возможность обращения Патриаршего Местоблюстителя к своему заместителю, переположило власти.

17 августа 1930 года ГПУ арестовало владыку. При аресте ему не было сказано, что его ожидает, а между тем срок ссылки заканчивался через четыре месяца и митрополит почти все свои вещи раздал нищим. После трехмесячного пребывания в тобольской тюрьме он был переведен в тюрьму Екатеринбурга, где его посетил уполномоченный ОГПУ Полянский и предложил владыке отказаться от местоблюстительства. Иначе, угрожал он, митрополита ждет новое заключение. Митрополит отказался.

С отказом от местоблюстительства митрополита Петра сразу упали бы и права митрополита Сергия и поместная церковь осталась бы без канонически законного возглавия, что могло усилить и утвердить все начинающиеся расколы. Нет, своей рукой лить горячее в этот огонь геенский Местоблюститель не хотел и не мог. Он хорошо знал, что расколы не преодолеваются в земной жизни поместных церквей. Воодушевление и вдохновенная проповедь расколоучителей прольются горькими слезами у их последователей. Грех расколоучительства не покроется благочестием личной жизни, не омоется мученической кровью.

Объясняя, почему он не может согласиться с предложением ГПУ, митрополит Петр в заявлении Менжинскому 27 марта 1931 года писал: «Прежде всего я нарушил бы установленный порядок, по которому Местоблюститель остается на своем посту до созыва Поместного Собора. Собор, созванный без санкции Местоблюстителя, всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше замещение. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности. Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания — это послужило бы не для блага церкви. Повторяю, что очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступаю письменно от других, то несомненно дошло бы и Ваше. Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне Архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства...»

будет считаться неканоническим, и постановления его недействительными... Далее, моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя митрополита Сергия... К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений, и, конечно, вина ляжет на меня. Поэтому в данном случае необходимо наше совместное обсуждение, равно как и совместное разъяснение вопросов в связи с моим письмом митрополиту Сергию, датированным декабрем 1929 года. Наконец, мое распоряжение, вышедшее из тюрьмы, несомненно, вызовет разговоры, догадки, будет истолковано как вынужденное, с разными нежелательными выводами... Откровенно скажу, что лично о себе я не хлопочу: дней моей жизни осталось немного, да и, кажется, я уже потерял интерес к жизни, скитаясь в общем более восьми лет по тюрьмам и ссылкам. Я только опасаясь, что распоряжением и деланием наобум могу нарушить свой долг и внести смуту в среду верующих».

В ноябре 1930 года ГПУ начало против Местоблюстителя новое дело, обвинив его в том, что он, находясь в ссылке, вел «среди окружающего населения пораженческую агитацию, говоря о близкой войне и падении соввласти и необходимости борьбы с последней, а также пытался использовать церковь для постановки борьбы с соввластью». Начальнику Тобольского окротдела ОГПУ было приказано «раздобыть данные, уличающие Петра Полянского в сношении с церковниками и попытках руководства церковью в антисоветском направлении... обратить внимание на его связь с тобольским духовенством... Подтвердить свидетельскими показаниями... все... факты антисоветской агитации со стороны Полянского, и в особенности факты направления верующих на активную борьбу с обновленцами».

30 ноября Местоблюститель был вызван на допрос. На поставленные ему вопросы он отвечал:

«Находясь в ссылке на тобольском севере, в дела управления церковью я не вмешивался, был только один случай, я написал митрополиту Сергию письмо, в котором сообщил о дошедших до меня слухах о том, что в

церкви происходят раздоры и разделения, в связи с переходом им границ доверенной ему церковной власти, и просил его все это устранить... Далее, находясь в Абалаке, ссыльный священник обратился ко мне с предложением, очевидно идущим из Тобольска, о награждении некоторых духовных лиц. Я ему ответил, чтобы местный архиерей написал мне по этому поводу. Со своей стороны я имел в виду представить это митрополиту Сергию со своим мнением».

12 декабря митрополит был вызван к следователю Костину, который прочитал ему обвинительное заключение и предложил ответить на некоторые вопросы. Понимая всю важность ответов, и что ОГПУ будет придирается к каждому слову, владыка писал показания собственноручно:

«В предъявленном обвинении виновным себя не признаю. Пораженческой агитацией в ссылке не занимался... Вообще я противником советской власти никогда не был. Советскую власть я признаю, ее распоряжениям подчиняюсь. Повторяю, что против советской власти каких бы то ни было ни с кем разговоров не вел, и это было бы безумием с моей стороны».

14 января следователь ОГПУ Костин объявил владыке об окончании следствия и спросил, желает ли он дополнить свои показания. Митрополит написал: «Я решительно заявляю о своей непричастности к тем действиям, в которых хотят меня обвинить... действиям нелепым и детски наивным... Я знаю, что совесть моя чиста, и это побуждает меня просить о проявлении ко мне советской справедливости, учитывая при этом мою старость, обремененную болезнями, и продолжительную ссылку... Нельзя не принять во внимание и того, что контрреволюционной деятельности отводится время четыре года тому назад, никто из властей ни одним словом до последнего времени не упрекнул меня в том».

Допрос кончился, и снова — одиночное заключение. Митрополиту было шестьдесят девять лет. От природы могучее здоровье было сокрушено за девять лет ссылок и тюрем. Словно надеясь на его скорую смерть, митрополита специально ставили в невыносимые условия, так

прошел почти год одиночного екатеринбургского заключения — без передач, без свиданий с кем бы то ни было, кроме уполномоченных ГПУ и тюремных надзирателей, почти без прогулок. В тюрьме сломались зубные коронки, он обратился к властям, чтобы те вызвали зубного техника, но власти оставили просьбу без внимания. Отсутствие коронок и невозможность хорошенько пережевывать пищу привели к тому, что после каждого приема еды у него случались сильные боли в желудке, и в конце концов развился катар. Ночами все чаще стали случаться приступы астмы. Он с тревогой ложился ночью на тюремную койку, с сомнением — встанет ли завтра. Приступы астмы случались чаще всего после полуночи, сопровождаясь нестерпимыми страданиями. Бывали обморочные состояния, и тогда он лежал на полу, пока не приходил в себя. Иногда это продолжалось так долго, что входил надзиратель, поднимал и клал на койку старца-митрополита.

Весной 1931 года в тюрьму прибыл Тучков и предложил митрополиту стать осведомителем ОГПУ, угрожая в случае отказа новым сроком заключения. Предложено было безысходно. Владыка удержался, чтобы не ответить резко, сказал нечто неопределенное и тут же спохватился. Он почувствовал, что его душе угрожает большая опасность. И, потеряв обычную свою выдержку и благожелательность, которую он неизменно сохранял по отношению к своим мучителям, ответил Тучкову резко. Все эти годы тяжелого одиночного заключения он отгонял от себя все худые мысли и чувства. Благодатию Божией он не то что поступком, а и словом не проявил ни к кому неприязни или нерасположения. И потому разговор в повышенном тоне был ему неприятен. Тучков понял, что план погубления митрополита не состоится, и стал прощаться.

Странное чувство охватило душу старца, и прошло не менее двух часов, прежде чем, помолившись, он сумел успокоиться и уяснить до конца происходящее. Конечно же, и речи не могло быть ни о каком сотрудничестве с ГПУ, и это надо было заявить определенно. В тот же день он обратился к надзирателю, чтобы тот вызвал следователя

Костина, присутствовавшего при разговоре, но надзиратель сказал, что того в тюрьме нет. На следующий день митрополит попросил отправить Тучкову телеграмму и затем написал письма, в которых вежливо, но твердо отказывался от предложения. «Если бы я являлся только гражданином П. Ф., — писал Местоблюстителю, — то путь мой был бы направлен иначе, но как первый предстоятель церкви я не должен искать своей линии. В противном случае получилось бы то, что на языке церковном называется лукавством... Расстроенное здоровье и преклонный возраст не позволят мне со всей серьезностью и чуткостью отнестись к роли осведомителя, взяться за которую предлагал тов. Е.А. Тучков. Нечего и говорить, что подобного рода занятия несовместимы с моим званием и к тому же несходны моей натуре».

Владыка не сомневался, как нужно поступать в случае предложения ГПУ о сотрудничестве. Он в одном из своих тюремных писем писал: «Мы по слабости нашей более или менее отступаем от того идеала, той истины, которая заповедана христианам. Но важно то, чтобы не быть озлобленным только этим земным и ради этого не убивать яростно истину и не сходить с ее пути. Тогда лучше вовсе отречься от Бога... А между тем, если говорить по совести, то дело, которое послужило причиной такой репрессии,* нравственно недопустимо не только для предстоятеля церкви, но и вообще для всякого христианина, в котором господствует идея греха и искупления. В этом деле пришлось бы столкнуться с двумя совершенно противоположными принципами: принципом христианским и принципом революционным. Основой первого принципа служит любовь к ближнему, всепрощение, братство, смирение; а основой второго принципа является: цель оправдывает средства — классовая борьба, разгром т.п. Становясь на точку зрения этого второго принципа, становишься на революционный путь, напрашиваешься на борьбу и таким образом отрекаешься не только от истинного символа христианской веры и уничтожаешь ее основы — идеи любви и другие, но и принципы

* Оставлению его в тюрьме и новому приговору.

исповедания веры. Нет нужды говорить, как должна быть разрешена эта дилемма — любовь к ближнему и классовая борьба — серьезно верующим человеком, и в частности, не наемником, а настоящим пастырем церкви. Едва ли бы последний знал покой во всю свою жизнь, если бы подвергся искушению со стороны указанных противоречий».

Переживания Патриаршего Местоблюстителя после визита Тучкова были столь сильны, что спустя несколько дней владыку парализовало, отнялись правая рука и нога. Рука со временем пришла в прежнее состояние, а нога окончательно не выздоровела, что давало знать о себе при ходьбе.

Со времени ареста прошло девять месяцев, предъявленное обвинение было смехотворно, но похоже, Местоблюстителя не собирались выпускать из одиночки. 25 мая 1931 года он писал Менжинскому: «В настоящее время я настолько изнурен, что затрудняюсь двигаться, стоять и даже говорить. Признаки удушья, иногда совместно с обморочными состояниями, участились, и всякий раз после них делаюсь совершенно разбитым и словно немощным. Лишение существенных потребностей слишком велико, и все мои мысли фиксированы на одном вопросе: когда же наконец окончатся мои скитания по тюрьмам и ссылкам, продолжающиеся вот уже девять лет... За все время ареста я еще ни разу не видел солнца. Мне приходится положительно подвизаться, сидя в камере. Мои 20-минутные прогулки (точнее — сидение у тамбура, ведущего в каменный подвал), по условиям тюремной жизни, обычно совершаются между десятью и половиной двенадцатого ночи, да и то с перерывами. Угнетает также изоляция, лишение права переписываться с родными и получать от знакомых пищу... С особой настойчивостью утверждаю, что контрреволюцией я никогда не занимался, каких-либо противоправительственных деяний не совершал... Обращаюсь в лице Вашего к советской справедливости и убедительно прошу Вас освободить меня из заключения и возвратить на место постоянного жительства, где бы я мог основательно заняться лечением у пользовавших меня раньше профессоров и иметь

общение с сослуживцами архиереями — моим заместителем и другими».

23 июля 1931 года Особое Совещание ОГПУ выслушало «дело» митрополита. «Дело рассматривали в порядке постановления президиума ВЦИК СССР от 9.06.27 г. Постановили: Полянского-Крутицкого Петра Федоровича заключить в концлагерь сроком на пять лет. Считая срок с момента вынесения настоящего постановления». То есть без зачета года, проведенного в одиночке.

19 августа 1931 года уполномоченные ОГПУ Агранов и Тучков отправили администрации екатеринбургской тюрьмы служебную записку с рекомендацией, как следует содержать митрополита: «...Полянского (Крутицкого) Петра Федоровича, осужденного... к заключению в концлагерь... просьба содержать под стражей во внутреннем изоляторе...»

После объявления приговора следователь Костин посоветовал митрополиту раскаяться, написать покаянное заявление о своем участии в Союзе русского народа.

— Я не только не участвовал в такой организации, — ответил Местоблюститель, — но даже не слышал, чтобы подобная организация существовала в Советском Союзе.

— Тогда вам нужно принести раскаяние за участие в антисоветской организации, — сказал Костин.

— Но я ни в каких подобных организациях не участвовал, — ответил владыка.

Время шло, надежды на освобождение таяли. Удивляло его, что мера осуждения по своей тяжести совершенно не соответствовала тому приговору, который ему был зачитан. Он стал просить власти смягчить заключение или освободить, учитывая отсутствие за ним какого бы то ни было политического преступления: «Я постоянно стою перед угрозой более страшной, чем смерть, как например, паралич, уже коснувшийся оконечностей правой ноги, или цинга, во власти которой нахожусь свыше трех месяцев, и испытываю сильнейшие боли то в икрах, точно кто их сжимает туго железным обручем, то в подошвах, — стоит встать на ноги, как в подошвы словно гвозди вонзились. Меня особенно убивает лишение свежего воздуха, мне еще ни разу не приходилось быть на прогулке днем;

не видя третий год солнца, я потерял ощущение. С ранней весны вынужден прекратить и ночные выходы. Этому препятствуют приступы удушья (эмфизема), с вечера настолько развивающиеся, что положительно приковывают к месту, бывает, что по камере затруднительно сделать несколько шагов. В последнее время приступы удушья углубились и участились. Неизменно повторяясь каждую ночь, они то и дело поднимают с постели... Приходится сидеть часами, а иногда до утра, неладно делается и с сердцем — тяжелые боли в нем доводят до обморочных состояний... Много раз умолял врача исходатайствовать мне дневные прогулки, лечебное питание взамен общего стола, тяжелого и не соответствующего потребностям организма... но все тщетно, неоднократно и сам обращался к начальству с той же просьбой, и также безрезультатно, а болезни все сильнее и сильнее углубляются и приближают к могиле. Откровенно говоря, смерти я не страшусь, только не хотелось бы умирать в тюрьме, где не могу принять последнего напутствия и где свидетелями смерти будут одни стены... Поступите со мной согласно постановлению... отправьте в концлагерь... как ни тяжело там будет, все-таки несравненно легче настоящей одиночки»...

В июне 1933 года ему заменили ночные и поздневечерние прогулки в общем дворе на прогулки в крохотном отдельном дворике, представлявшем собою нечто вроде сырого погреба, на дне которого постоянно скапливались лужи от дождевой воды, а воздух был наполнен испарениями отхожих мест, соседствующих с двориком. Когда владыка увидел ночью свое новое место прогулок, ему стало жутко, он почувствовал себя скверно, с ним сделался припадок удушья, и, боясь упасть, он едва добрался до камеры и не сразу пришел в себя. В мае тюремное начальство сообщило, что деньги, которые у него были на счету, все израсходованы и ему больше дополнительные порции из столовой выдаваться не будут. «Прошу вас открыть мне ссуду и поставить в известность о моей нужде моего заместителя митрополита Сергия», — писал он властям. Беспokoясь о положении церкви, владыка просил представителей ОГПУ разрешить ему связаться с местным архиереем. Ему отказали.

И снова старец пишет властям. Две темы перед ним — бесконечных страданий и своих обязательств перед церковью: «...неослабно подвергаюсь лишениям даже тех элементарных прав, какие здесь разрешены... с конца лета 1930 г. и до сего дня еще ни разу не видел солнца... воздух здесь пронизан едкой пылью каменного угля, а зимой... дымом и сажой, обильно выбрасываемой из трубы котельной... В общей сложности мое пребывание в тюрьмах, политизоляторах и ссылках продолжается уже более десяти лет... Ввиду изложенных обстоятельств, а также и по случаю юбилейных торжеств и величайших событий и побед... решаюсь ходатайствовать о сокращении в порядке амнистии срока моего наказания до 3-х лет, с зачетом предварительного заключения... Для совершения приписываемого мне преступления у меня не только не было никакого желания, но даже и физической возможности... Обвинение по 58 статье было выдвинуто совершенно неожиданно после того... как я высказал противоположное суждение по вопросу об отречении от местоблюстительства.

(Для себя лично, с точки зрения своего естественного эгоизма, я не должен бы в этом вопросе расходиться с представителями власти, но я не мог поступить иначе).

В сущности местоблюстительство лично для меня не представляет интереса, наоборот, оно все время держит меня в оковах гнета... Но я должен считаться с тем обстоятельством, что решение данного вопроса не зависит от моей инициативы и не может быть актом моей единоличной воли. Своим званием я неразрывно связан с духовными интересами и волей всей поместной церкви. Таким образом, вопрос о распоряжении местоблюстительством, как не являющийся личным вопросом, не подлежит и личному усмотрению, в противном случае я оказался бы изменником святой церкви. Между прочим и в акте о моем вступлении имеется напоминание, что я обязан не уклоняться от исполнения воли Патриарха Тихона, а следовательно и воли подписавшего [пропуск в рукописи], равно как и воли клира и верующих, девятый год состоящих со мной в молитвенном общении».

Шли месяцы и годы, а в положении старца ничего не менялось, разве что условия становились все жестче и строже: его перевели в одиночку Верхнеуральской тюрьмы особого назначения, надзирателям было запрещено митрополита куда-либо выводить, где он мог столкнуться с другими людьми. Владыка попросил разрешения пользоваться тюремной библиотекой. Ему разрешили, но она была невелика, и скоро он перечитал все заслуживавшее внимания, иное прочел по два-три раза. Он попросил разрешения пользоваться книгами городской библиотеки, удовлетворена ли была просьба владыки или нет, нам не известно.

В Верхнеуральской тюрьме Местоблюститель пробыл до окончания срока, 23 июля 1936 года. День прошел, но его не освободили.

Еще 9 июля 1936 года состоялось заседание Особого Совещания при НКВД СССР (за секретаря — Тучков), на котором был продлен срок заключения митрополита Петра еще на три года. Было послано ходатайство об утверждении срока во ВЦИК СССР. Состоявшееся 25 августа 1936 года заседание президиума ВЦИК постановило ходатайство Особого Совещания НКВД о продлении срока тюремного заключения еще на три года удовлетворить.

1 сентября 1936 года Патриаршему Местоблюстителю объявили о продлении срока. Митрополиту Петру было уже семьдесят четыре года и срок этот можно было считать пожизненным. Во всяком случае власти решили считать святителя умершим, о чем и сообщили митрополиту Сергию. В декабре 1936 года митрополиту Сергию был усвоен титул Патриаршего Местоблюстителя. А Местоблюститель был еще жив. И так прошел еще год заключения. В августе 1937 года владыка попросил помощника начальника тюрьмы Артемьева внести в суровый тюремный рацион хоть какое-то разнообразие, так как он не пользуется дополнительными покупками. При этом он сказал, что он — Патриарший Местоблюститель и за это в тюрьме, так как категорически отказался от предложения ОГПУ снять с себя этот сан. Несправедливо держать невинного, добиваясь его смерти...

На следующий день Артемьев составил рапорт о сказанном митрополитом. Оперуполномоченный Яковлев написал резолюцию: «Приобщить... рапорт к делу... Учтите, что заключенный № 114 (митрополит Петр. — и. Д.) делал попытку установить связь с внешним миром. И использовать для этого ныне уволенного врача тюрьмы, поручая ему передать от него митрополиту Сергию икону...»

Затем Артемьев и Яковлев составили справку: «Отбывающая заключение в Верхнеуральской тюрьме, проявляет себя непримиримым врагом советского государства, клеветает на существующий государственный строй... обвиняя в «гонении на церковь», «ее деятелей». Клеветнически обвиняет органы НКВД в пристрастном к нему отношении, в результате чего якобы явилось его заключение, так как он не принял к исполнению требование НКВД отказаться от сана Местоблюстителя Патриаршего престола. Пытался связаться с внешним миром из заключения, используя для этого медицинский персонал тюрьмы, в результате чего получил от духовенства города Верхнеуральска просфору»...

2 октября 1937 года тройка НКВД по Челябинской области приговорила Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого к расстрелу. Он был расстрелян через несколько дней, 10 октября, в 4 часа дня.

Источники

1. Митрополит Мануил (Лемешевский) «Словарь епископов Русской Православной Церкви».
2. Сборник документов по Григорианскому и Ярославскому расколам, собранных Е.С. Силичевым. Машинопись.
3. «Дело митрополита Петра Крутицкого». Архив УКГБ по Тюменской области, арх. № П-16935, л. 1, 2, 3, 4, 5; арх. № 1740, л. 1, 7, 8, 9, 11, 12, 28, 29-32, 47, 49, 50, 51, 54, 55, 60.
4. «Дело Патриарха Тихона», ЦОА КГБ, арх. № Н-1780, т. 5, л. 228.

Иеродиакон ИОНА (Яшунский)

НАШИ КАТАКОМБЫ

Очерк «Наши катакомбы» написан монашествующим СПб епархии иеродиаконом Ионой (в миру — Роман Викторович Яшунский) по благословению митрополита Иоанна (Снычева) С-Петербургского и Ладожского. Молодой автор (родился в 1966 году) имеет большой опыт общения с катакомбным духовенством разных направлений, существующих на территории России.

Задача его работы — осветить в общих чертах состояние катакомбных общин и направление их деятельности. Автору пришлось опустить почти все мелкие подробности ввиду того, что материал первоначально не предназначался для широкой аудитории. Не названы, по вполне понятным причинам, и источники некоторых сведений.

Публикуемая заметка — первый результат большой работы по собиранию материалов об истории «катакомбной церкви», проведенной иеродиаконом Ионой.

А. К.

В настоящее время нам известно о существовании внутри К.Ц. (катакомбной церкви)¹ по меньшей мере 8 разных группировок, имеющих какое-либо иерархическое возглавление, а также некоторого, впрочем, совсем уж незначительного, числа акефалов, т.е. священников, а иногда даже и мирян, живущих без связи с каким-либо епископом. (Миряне иногда имеют у себя запасные Дары, заготовленные когда-то давно каким-нибудь иереем в предчувствии своей кончины).

Почти все эти течения не имеют канонического общения друг с другом, а зачастую и вовсе не признают друг друга. Большинство из них также оформилось сравнительно недавно и не связано непосредственно

¹ В данном случае общее название «К.Ц.» применяется условно, т.к. среди «катакомбников» есть как принадлежащие, по мнению автора, к церкви, так и явные раскольники и даже еретики.